

МАТЬ И ДОЧЬ

...На звонок дверь открыла эффектного вида женщина. По тому, каким недовольно-резким жестом указала она в сторону комнаты, отвечая таким образом на вопрос, дома ли Анна Степановна, я поняла, что это и есть её дочь. Дочь, превратившая в муку жизнь родной матери.

"Убедительно прошу, вникните в мою неразрешимую проблему, — расплывались перед глазами строки письма в газету. — Я не клеюзица, но судьба заставляет меня... У меня нет жизни с родной дочерью. Живу, как в концлагере. Даже не позволяет мне пользоваться кухней, и помыть не могу как нормальный человек. Воду перекрывает, соседей заливают специально, конфорки с плиты убирает, чтобы я не готовила. Все бьет, колотит, а всем говорит, что это делаю я. Вызывала бригаду, хотела отправить меня в психушку. Но я нормальный человек, а ей нужна квартира. Обзывает гадкими словами, говорит: "Мразь, я тебя удавлю, ты скородохнешь..."

Не могу больше терпеть издевательства. Я хотела разделить лицевой счет. Суды шли с 1997 года, но дочь ни разу не явилась на суд, так что ничего не решено до сих пор... Со своей дочерью она била меня, вырвала волосы. Их забирали в милицию, но толку никакого..."

Еще больше рассказала Анна Степановна при встрече. Несколько раз она пыталась разменять квартиру, но дочь всячески этому препятствует, откровенно ожидая скорой смерти матери, объясняя всем, что у той "с головой плохо".

— Когда дочь дома, я даже из своей комнаты боюсь выходить, — признается несчастная старушка.

Подтверждение тому — обстановка ее жилища, которое служит вынужденной затворнице и кухней, и умывальником, и даже туалетом. Одна из соседок рассказала, что однажды Анна Степановна пришла к ней с просьбой о газовой конфорке. Оказалось, молодая хозяйка, уходя на работу, стала снимать конфорки с плиты и прятать. Соседка посоветовала съездить в "Горгаз". Анна Степановна так и сделала и была рада, что удалось купить конфорку. Но дочь пошла еще дальше в своих изуверских фантазиях: теперь снимает перед своим уходом всю верхнюю часть газовой плиты...

— Всю жизнь жила — мучилась, — печалится Анна Степановна. — От мужа-пьяницы побои терпела и рассталась с ним, чтобы дочка в спокойной обстановке росла. Боялась, что не выхожу их. На трех работах гробилась, лишь бы они ни в чем отказа не знали, образование получили. На стройке маляром-штукатуром была, а ради квартиры 10 лет дворником отработала. Думала, в старости поживу...

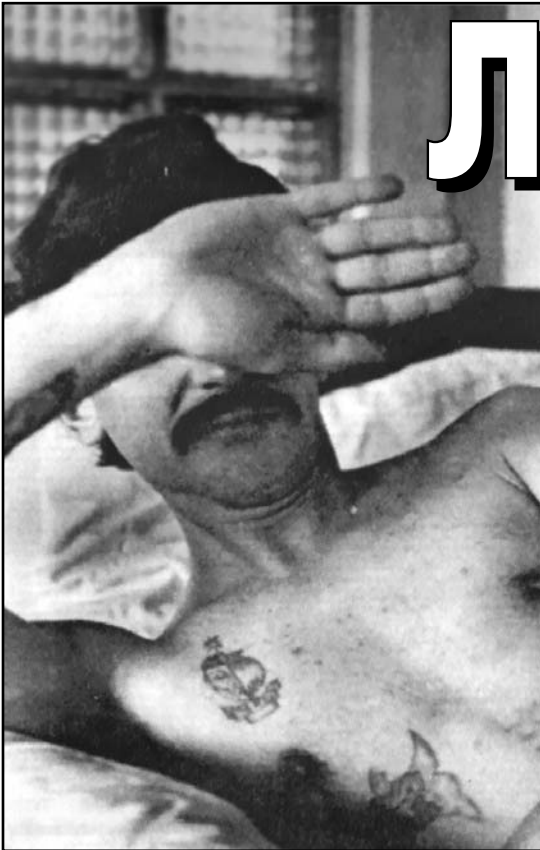
Младшая дочь с семьей живет за границей, где работает её муж. Старшая тоже с мужем-военным за границей находилась, да не сложилось — вернулась с ребенком домой к матери. Теперь и внучка уже матерью стала, да была бабушкино добро. Люди, близко знающие эту семью, отзываются об Анне Степановне с искренним уважением: великая труженица, добрейшей души человек. Дочки, а потом и внуки были смыслом ее жизни. Она и чужих детей привечала. Большая мастерица по части приготвления сдобных булочек, кулинарных изысков, всегда потчевала со-

Этих двух женщин объединяет лишь одно: детей своих они воспитывали без участия отцов. И, как чаще всего происходит в подобных случаях, любили ненаглядных чад "за двоих", до самозабвения. Что из этого вышло? Не называя истинных имен героинь нашего грустного повествования, поведем о судьбе каждой в отдельности.

СЛЕПАЯ

МАТЕРИНСКАЯ

ЛЮБОВЬ...

словом Анны Степановны, она "свои руки на работе оставила". Но не только руки: нажила хроническую болезнь от тяжести. И то, что при таком состоянии здоровья и в почтенном возрасте еще находит в себе силы обходиться без посторонней помощи, казалось бы, должно радовать дочь. Но как раз "несломленность" матери и разжигает ненависть к ней. Не иначе как плодом извращенного сознания можно расценить бросающуюся в глаза надпись на двери комнаты дочери: "Заходи по делу. Говори кратко. Уходи сразу".

Эти "рекомендации" своей безапелляционно-устрашающей лаконичностью невольно вызывают ассоциации с печально известными угрозами: шаг влево, шаг вправо — что дальше, всем известно. Не случайно жизнь в собственной квартире Анна Степановна сравнивает с пребыванием в концлагере.

... Данная история имела продолжение в суде. Суд обязал жестокую дочь "не чинить препятствий в пользовании жилым помещением" своей матери. Но дочь и не думает исполнять решение суда. А служба судебных приставов и не проявляет особой настойчивости.

Откуда ж бедной старушке ждать помощи, коли судебные органы беспомощны перед откровенным пренебрежением к закону? А разговоры о законе нравственном в данном случае просто бессмысленны.

МАТЬ И СЫН

Елизавете Петровне "повезло" в том плане, что сын к ней не испытывает ненависти. Да и как

ему портить отношения с матерью, когда живет за ее счет? В свои 40 лет он нигде не работает, пьянствует, заводит шумные компании, чем доставляет беспокойство соседям. Об этом они и поведали в своем письме в редакцию.

...Разговор не ладился. Елизавета Петровна сразу встретила меня, что называется, в штаны, обрушившись на соседней "жалобщикова". Дескать, я больше о них рассказать могу, да молчу. Согласившись, что сын "как выпьет, любит громко включать музыку", в то же время стала возмущаться тем, почему соседи молчали, когда пьяная невестка устраивала дебоши, подкидывая тем самым, что именно из-за нее сын таким стал.

Может, оно и так. Но жена год назад умерла, а он и не собирается менять образ жизни. Не способствует тому, чтобы взяться за ум, и условное наказание за уголовное деяние. Как пояснил участковый инспектор милиции, от "закрытия" дебошира на зону спасает лишь то, что на его иждивении находится несовершеннолетняя дочь.

— Помилуйте, — не удержалась я, — о каком "иждивении" может идти речь, когда человек живет захребетником у матери? Материально учащуюся в профессиональном колледже дочь поддерживать не может. А что касается воспитательного момента, то в данном случае ребенку просто повезло, что она постоянно живет у бабушки со стороны матери и не видит образ жизни отца.

Но у нас такие законы: если родительских прав не лишен — значит, кормилец. А чтобы начать процедуру лишения, нужно собрать кучу бумаг, пройти через все заседания соответствующих комиссий. И то еще не факт, что

ребенка освободят от горе-родителя. А пока, прикрываясь отцовством, великовозрастный буян "наводит шороху", доставляя столько беспокойства соседям.

Наш разговор с Елизаветой Петровной ее сын слышал, находясь в соседней комнате. И, должно быть, в тот момент очень любил мать, ведь всю его "аморалку" она привычно списывала то на бросившего их отца, то на умершую невестку, то на государство, оставившее его, кинемеханика по специальности, без работы. А когда я попыталась возразить, что эти оправдательные моменты только на руку здоровому мужику, который и не пытается начать нормальную жизнь, находясь под столь яростной защитой матери, моя собеседница обиделась.

Правда, к концу разговора показалось, что все-таки удалось убедить ее в том, что главный виновник столь непутевой жизни сына он сам. Елизавета Петровна даже согласилась с тем, что на

соседей не обижаться следует, а сказать им спасибо за обращение в газету. Иначе не известно, чем бы кончились эти ночные загулы. (Именно ночные: когда мать работает, сын принимает пьяные компании и резвится во всю мощь магнитофонных динамиков). Хотя после оче-

редной жалобы соседней магнитофон Елизавета Петровна решительно конфисковала, а при мне в конце концов даже пригрозила сыну не поддерживать с ним отношений, в случае если его лишат отцовства и отправят в колонию.

Сын, с которым тоже довелось поговорить, делал вид, что благосклонно принимает советы со стороны образумиться и начать новую жизнь. Признаться, мне было очень неловко выступать в роли моралистки и учить 40-летнего человека элементарным истинам. К тому же чувствовалось, что мать, действительно в свое время много в него вложившая, остается на стороне сына. Уподобляясь беспокойной насадке, она распростерла над ним крылья, освободив от каких-либо моральных обязательств даже перед близкими, не говоря уже о соседях.

Конечно, я несколько не тешила себя мыслью, что после всех разговоров сын Елизаветы Петровны перестанет досаждать соседям. Этого и не произошло, о чем авторы письма сообщили уже по телефону. Да и то сказать: чтобы перестать досаждать, нужно образумиться, а для этого просто необходимо проникнуться желанием этого, настроить силу воли. Но зачем утруждать себя, когда и так комфортно живется, когда уверен, что мать при любых обстоятельствах не оставит без поддержки. Остается только пожалеть Елизавету Петровну, которая, хотя и гордится своими двумя высшими образованиями, сейчас, будучи пенсионеркой, вынуждена по ночам работать сторожем, чтобы содержать своего неблагодарного сына. Одним словом, слепая материнская любовь.

Галина ПЕТРОВА.